аждое уголовное дело — это какая-то итоговая черта в жизни людей, иногда случайно соединенных судьбой в одном месте и в одно время. Они не должны были встретиться, однако встреча состоялась; они не должны были жить так, как живут, — однако вот она, жизнь их, порой нелепая и трагическая; они не должны были делать то, что сделали, — однако вот оно, уголовное дело, номер такой-то, возбуждено производством тогда-то, по факту совершения гражданином N деяния, предусмотренного статьей такой-то Уголовного кодекса Российской Федерации...

Сколько таких уголовных дел! Сколько их еще будет!

«Прошу привлечь к уголовной ответственности гражданина Семенова, покравшего картошку на дачных участках у граждан, всего числом 20, список приложу на конце заявления, состоящих на учете в дачном кооперативе «Заря», в разные годы вступившие в кооператив, т. к. они еще не написали заявления, поэтому прошу принять заявление от меня, Председателя кооператива «Заря» Игнатова Юрия Ивановича». Дата, подпись, видимо, самого председателя.

В самом низу приписка: «Мои заявления подписывает член дачного кооператива гражданин Жигулин С. А., но по болезни руки (правой) я подписуюсь за него. Председатель». А дальше все как по нотам: штамп регистрации, проверка факта «покражи», куча безграмотных объяснений, и—на, следователь, разбирайся... Вон лежит на столе куча бумаг, которую еще надо оформить в «дело».

Жарко. Начало сентября, а жара июльская. Просто пе́кло. Следователь подошла к окну кабинета, посмотрела во двор, где стояли раздолбанные ментовские машины... Эх, плюнуть бы на все и на бережок, поплавать, полежать на песочке... Однако вон сколько дел! Открой сейф — вываливаются. Это в кино — целая группа, на машинах, с мобильниками, компьютерами... Ладно, работать надо.

седателя» и стала перечитывать объяснения членов кооператива. Получалось так, что с каждого участка было выкопано не более одного-двух ведер картошки, цена которой на сегодняшний день составляет...

Она подошла к столу, взяла «заявление Пред-

В дверь кабинета громко постучали. Она не успела ответить, как в кабинет вошел молодой участковый инспектор. Парень недавно поступил на службу и почему-то сильно стыдился ментовской формы, буквально заливался краской, когда бесстыжие пьяные или уколотые сучки, доставленные в дежурную часть отдела, отпускали в его адрес замечания, ржали, назначали встречи, делая непристойные движения.

- Вопросы? сухо спросила следователь.
- Да вот, привел Семенова. А жена сама пришла. Но он отрицает жену.
 - To есть? удивилась следователь.
- Ну, она говорит жена. А он кричит уже не жена.
- Ладно, разберемся, сказала следователь и села за стол, отодвинув в сторону допотопную пишущую машинку. Давай Семенова.

крикнул: — Семенов! Заходи!

но присел на табурет возле двери.

Участковый высунул голову в коридор и

ном заношенном спортивном костюме, на ногах

какие-то драные домашние тапки. Небритый, с тя-

желым духом давно не мытого тела. Эх, мужик...

взглядом следователь. Мужик вздохнул и послуш-

Садись во-о-он там, на тот стул, — указала

— Ну, я доставил, я пошел, — как-то радостно

Давай, — следователь кивнула ему и по-

Ей хотелось только одного: чтобы мужик быстро все рассказал, быстро во всем при-

вернулась к мужику. — Почему на вас написал

заявление Игнатов? Почему вы воруете картош-

ку на дачных участках? Люди сажали-сажали, а

знался, подлец, и ушел к чертовой матери

из кабинета, унося с собой отвратительную,

этом кабинете, окна которого выходят на юг и

полностью не открываются из-за неправильно,

не по уму поставленной решетки «мастерами»-

пальцами свои ладони. Он что-то отколупывал

Мужик сидел, ссутулившись, и колупал

В кабинет вошел высокий худой мужик в гряз-

заявил участковый.

вы — воруете...

пофигистами...

удушающую смесь запахов навоза, мужского застарелого пота и какого-то дезодоранта. Гремучая смесь, особенно на жаре, особенно в

и бросал «это» на пол. Следователь смотрела на него и потихоньку заводилась. — Я спрашиваю: почему вы воровали картошку? — Мужик внимательно разглядывал ладони. — Так и будете молчать? У меня нет

времени играть с вами в молчанку. Это заявление на Семенова, то есть на вас. Так?

Мужик хмыкнул:

— Не знаю, на кого. Я не читал. А может, на

нее, — он кивнул головой на дверь.

 В заявлении написано, что именно вы воровали картошку на дачных участках кооператива

«Заря». Председатель сада пишет... — Этот козел пишет...

 ...что именно вы, проживая на дачном участке гражданина Акимова, воровали у других дачников картошку.

 Я ж говорю: этот козел на кого хошь и на что хошь напишет...

— Ага. Значит, вы его знаете?

сразу же стали тихонько открывать ее.

— Кто этого козла не знает! Ну, хорошо. А вот объяснения дачников...

женский голос. — Пусть не заходит, — быстро сказал мужик, поднял голову и умоляюще посмотрел на

— И они все — козлы, — тихо пробормотал

В дверь кабинета осторожно постучали и

— Можно? — спросил за дверью тоненький

мужик, хмуро глядя на ладонь, из которой только

что выковырял «нечто» и снова бросил на пол.

следователя.

и захотелось сделать этому ворюге гадость. — Заходите, — пригласила она, — заходите.

толстая тетка в застиранном ситцевом платье,

прижимая к груди когда-то белую, а теперь по-

желтевшую от старости сумку из кожзаменителя.

Толстое лицо было покрыто крупными каплями

Она увидела его смятение, просьбу во взгляде,

Мужик вскочил с табурета и тут же снова сел. Сглотнул, острый кадык на тощей шее дернулся. В кабинет осторожно зашла невысокая,

пота. Она вошла, мельком взглянула на мужика, потом вопросительно-умоляюще на следователя и вздохнула. Я слушаю вас, — сказала следователь. Да я вот по его поводу, — тетка кивнула в

сторону мужика, который сидел, ссутулившись

широко расставленные колени, и глядел в пол. — Жена я его...

еще больше, положив согнутые в локтях руки на

— Пока жена, — буркнул мужик, отворачи-

— Вот видите? — Толстое лицо тетки задрожало. Она оторвала от груди свою видавшую

виды сумку, торопливо открыла ее и вытащила мятый носовой платок. Еще раз покомкав его в

руке, приложила к глазам.

Следователь посмотрела на мужика: Жена? — И постучала пальцем по столу.

— Я ж сказал: жена, но — пока.

— Это как? Разводитесь, что ли?

— Развожусь, — мужик исподлобья, зло посмотрел на следователя.

— Ах, гад же ты! Что ж ты делаешь, а? Всю мою жизнь... Детей не жалко? — вскипела тетка.

— Вспомнила — жизнь, детей...

Тетка мазанула платком по лицу, смахивая капли пота, и удивленно посмотрела на следователя:

— Ну, как вам это нравится?

— Это ваше личное дело. Меня другое интересует: вы, собственно, зачем пришли?

— Я... это, узнать. Его что, посадят? — с горечью в голосе спросила тетка.

— Xм! А вам как хотелось бы? — Ситуация стала забавлять следователя.

— Мне? — тетка удивленно посмотрела на нее. — Мне? Ну, не знаю... — И вдруг заголоси-

ла: — Ой, миленькая! Да отпусти его! Он ведь

ла: — Ой, миленькая! Да отпусти его! Он ведь дурной, ей-богу дурной. А дети — что? Онито — как?

«Ой, тетка, врешь. Дети, конечно, аргумент, но слабенький. Тут главное — схема отношений, выстроенная давно, но не тобою, тетка. Принцип один: женщина должна иметь мужа, а дети — отца. Тетка — явный гипертоник, мелочная зануда... отец ее детей для нее давно не мужчина, а объект заботы и постоянной воспитательно-разъ-

яснительной работы. Внимание детям уделяется ровно столько, сколько требуется на кормежку и подзатыльники за двойки. Все остальное — самому слабому и беззащитному, то есть — мужу. Представляю, как ему осточертела эта опека, но он без нее уже не сможет», — лениво думала сле-

— А что делать? Картошку чужую — ворует. Вот заявления. Значит, чтобы не воровал, надо посадить, и он будет сидеть, — сказала следователь и добавила веско: — За кражу личного имущества граждан.

дователь, не слушая вопли потеющей защитницы.

Тетка перестала тереть грязным платком глаза и удивленно спросила:

— За это говно — и сажать? А вы знаете, что тюрьма никого не исправила? А вы знаете, какие они оттуда выходят?

«Ну, начинается! — тоскливо подумала следователь. — Поехала. Ведь умрет, защищая своего мужа-несмышленыша и весь свой выводок. Зараза, замучает просьбами и заявлениями».

А тетка уже орала, тыкала себе в лицо комком платка, ладонью смахивала капли пота и снова потела от напряжения и жары... Только мужик оставался совершенно безучастным, все так же сидел, склонив голову и опираясь локтями на колени.

РОЖДЕНИЕ

Июльское лиловое затишье... Томится зной в тени под тополями. Стекают по откосу вагонетки... Сегодня— двадцать первое июля.

...Тогда еще ходили паровозы, и старики часы по ним сверяли трофейные, с узорным циферблатом: журавль, Фудзияма, иероглиф...

А ласточки носили в клювах глину, и пахло тесом в домике у моря, и все чему-то радовались в доме, и голоса плескались в занавесках.

И бензобак от гидросамолета вручную вдоль по кругу распилили— и получилась славная купель для первого земного омовенья.

И даже пригодились для пеленок портянки, выданные деду под Харбином, когда уже закончилась война (их тыщу лет, поди, не вынимали из сундука, окованного медью).

...Косили рожь в долине за рекою, и незаметно сумерки сгущались; на станции уже зажгли огни...

Шахтеры возвращались из забоя и светляков манили за собою.

И — солью насыщаясь — на век впадала в море сонная река...

Юрий КАБАНКОВ

 Миленькая, отпусти дурака! — голосила тетка. — Ради детей отпусти! Молиться на тебя буду, товарищ следачка...

Следователь, — буркнул мужик.

— Что? — остановила ор тетка и повернулась всем туловищем к мужу.

 Следователь, а не следачка, — снова буркнул мужик. Тетка растерянно поглядела на следователя:

— А мне участковый вас так назвал.

Руки плотно прижала к огромной груди, улыбнулась виновато и льстиво:

 Я ж точно не знаю, мы ведь люди простые. — А дальше по нарастающей, с истерикой

в голосе: — ...Простые, работяги, поэтому нас из-за говна и сажают. Вон те, директора, которые воруют, их не сажают, а нас... Интересно все-таки... «Нас сажают». Пока

только с ее мужиком пытаются разобраться, а

уже — «их сажают», то есть надо понимать так, что сажают ее и ее мужа, людей простых, рабо-

чих... Черт знает, что делается! Эта Россия с ее

уникальным бабьем: в огонь, в воду, в Сибирь... И чем дальше в лес — тем больше дров... ...С нами из-за чепухи, вот из-за столеч-

кричала тетка. — А знаете, в чем справедливость? — спро-

ка — в каталажку? Где справедливость? — уже

сила следователь. — Чего? — остановилась тетка и ткнула в

лицо платком. Чтобы и по мелочам — не воровать. Во-

обще — не воровать. И так уже... — Так что, сидеть нам? — тетка, кажется, не

расслышала того, что сказала следователь.

— Вам — нет, а вот мужу вашему — пожалуй, — сухо ответила следователь. Тетка изум-

ленно посмотрела на нее и вдруг, повернувшись к мужу, сумкой ударила его по голове: — Паразит! Ах, паразит! Сколько раз тебе

говорила! Сколько тебе можно говорить!

Какого черта она бьет арестованного!

 Уйди! — закричал мужик, закрывая голову руками. — Товарищ следователь, уберите ее!

Он вскочил с табурета и под ударами разгневанной супруги стал отступать к окну. Тетка, колыхаясь всем телом, со всего маха колотила мужика сумкой по голове, плечам, тощему заду...

заявил, что этого бомжа видел три раза возле своего участка — он проходил мимо с ведром и лопатой и спрашивал, хороший ли урожай. Сам Семенов с мая жил на дачном участке гражданина Акимова, в его дачном домике. Акимов пояснил, что он разрешил Семенову жить у него, сторожить его дачный участок и за это пользоваться картошкой. В домике, на кухне, обнаружили мешок с картошкой, весом восемь килограммов, но ни единый куст на дачном участке Акимова выкопан не был. Дачник Соколов в домике Акимова нашел свое старое ведро с дыркой на дне, которое для воды непригодно, но «носить навоз — самый раз», почему и написал заявление на Семенова. Все остальные заявления... Н-да. Поэтому

Следователь сидела за столом и наблюда-

ла за происходящим. То, что мужик воровал

картошку, доказать было невозможно. Как он

копал — никто не видел. Дачник Парфенов

пусть супруга врежет по мозгам своему непутевому, тем более что у нее, видно, накипело... А она действительно очень хорошо, как-то

умело и даже привычно, что ли, наносила мужу

удары сумкой, руками и даже несколько раз пнула

ногой... Мужик, отскочив к окну, стоял спиной к супруге, закрыв голову руками, согнувшись, и вздрагивал от каждого удара. — Эй, тетка, все! Закончили воспитательную

работу! Все, хорош! — лениво сказала следователь, вставая со стула.

Отдуваясь, смахивая пот с лица ладонями и тут же вытирая их об юбку, тетка отошла в сторону и хрипло спросила:

— Ну что? Можно гада забирать? Я ему еще дома всыплю. Пусть сыновья знают! Пусть все люди знают! Скотина, совсем как скотина! От дома, от семьи отбился... — задышала, слезливо

сморщилась. — Жизнь мою не то что погубил,

сломал совсем. «Ну артистка!» — подумала следователь, с интересом глядя на нее. Тетка плюхнулась на стул

и доверительно зашептала: — Связался с одной... Стерва еще та! Ну! Я ее знаю, водкой торгует. Вот ее посадить надо. Я

вам, товарищ следачка, ее адрес дам. И все-все, прям как на духу — все про нее, суку, расскажу. Только подписывать ничего не буду. Вот кого надо сажать! Водкой торгует, спекулянтка про-

Следователь с улыбкой смотрела на тетку и укоризненно качала головой. Но та поняла посвоему:

клятая, государству от нее — вред. Вот кого — и

за спекуляцию.

 Я даже сыну сказала: батьку выручать надо, а посадить — ту сволочь. Вот вы имя, имя ее запишите. Зовут смешно — Земфира. Запишите, а то

забудете. — И потыкала в стол толстым пальцем.

Следователь закурила и посмотрела на мужика. Он стоял возле окна, спиной к ним. Тетка,

перехватив взгляд следователя, развернувшись на

стуле к мужу, решительно сказала: — Домой сщас пойдем!

Следователь посмотрела на тетку, на мужика,

перевела взгляд на небо в решетке окна... Тоска, ей-богу. Живут, плодятся, ругаются, мирятся, страдают... Эта тетка... вздорная, глупая

баба, ее муж — неудачник наверняка, такие же дети, не имеющие уважения к отцу и почтения к матери. Хм, как властно сказала: «Пойдем домой»... Словно все, вопрос решен. Ею, этой теткой, а она, следователь, — так, на кухню к

ней пришла... — Ну и часто вы его... этак? Воспитываете?

 Мужик, который от дома... от семьи... Тетка всхлипнула. — A что прикажете делать?

Работать не хочет, с детьми — не хочет, все лежал бы на диване, все умирает, все болеет! А водку жрать, — это она уже явно мужу, который

все так же стоял возле окна, не поворачиваясь к ней, — тут сразу — здоров! Друзья-приятели! Я просила, плакала — дети... что делаешь! На

детей — плевать! Зато жрать — только подавай! Следователь заметила, как при последней фразе жены плечи мужика вздрогнули, и ей стало немного жалко этого дурака. Посуровев лицом,

она сказала:

— Судя по вашему возрасту, дети ваши уже давно не дети, а взрослые люди, поэтому ваши замечания по их поводу звучат как-то... несерьезно. Не вчера же он стал пить, а? И дети ваши не вчера родились. Бросьте дурачиться. Все знают,

наверное, знают, что вы его бьете. И все знают, что он пьяница, нигде не работает, и все его друзья-приятели вам хорошо знакомы. Наверняка вместе и праздники праздновали и водку пили.

Что, никогда пьяных драк не разнимали? Или,

может, сами никогда не дрались?

— А он? — А он пока здесь побудет. — Ой, миленькая, да отпусти ты его! — снова заголосила тетка. — Он больше не будет, я ручаюсь за него!

— Я? — изумилась тетка. — Ну, это когда

Ладно, идите домой, — устало сказала

было-то! И водку не пила, только вино.

следователь.

ждут?

 Он останется здесь, — твердо сказала следователь. — Тогда как же... Когда его отпустят? Ведь

отпустят, а? «Хрен тебе, тетка, подождешь», — подумала следователь и, глядя прямо в заплывшие жиром

глазки «пока жены», твердо сказала: — Идите домой, он будет здесь столько, сколько мне понадобится. Домой, понятно? Дети-то

 Ага, ага, поняла, поняла, — залопотала тетка. И мужу: — Как отпустят — сразу домой, я дома жду! Чтоб никуда, сразу домой, поговорим! Слышишь — нет? Ты слышишь?

голоском спросила: — Так нам — как? Ждать его или не ждать?

— Нет, идите домой… — Я подожду все-таки…

Следователь быстро встала из-за стола и взяла телефонную трубку: — Мне что, наряд вызвать?

— К-к-какой наряд? — прошептала тетка. Вызвать наряд, и за хулиганство, что вы

Тетка мелкими шажками пошла к двери, затем

снова вернулась к столу следователя и тоненьким

здесь устроили... вас тоже посадить? Это я мигом устрою. — Зачем наряд?

— Да идите же вы... наконец! — не выдержала следователь.

Тетка послушно закивала головой, еще раз ткнула себе в лицо комком платка и тоненько,

тихо сказала: — До свидания. — И вышла за дверь, осторожно прикрыв ее за собой. Следователь села за стол и посмотрела на мужика: плечи у него

вздрагивали — он плакал. Она сидела, курила, смотрела на него, молчала. Сколько раз ей приходилось наблюдать

выяснения семейных отношений здесь, в этом

СКВОЗЬ СНЕГОПАД КОМЕТ ГУСТОЙ...

Сквозь снегопад комет густой Расслышать ход планет бесшумный. Принять Меркурий на постой И осознать, что ты — безумен.

Расчислить строгий механизм Галактик, лун и звезд — всех сразу, И распознать, что в смерти — жизнь; Ее звериный, древний разум.

Речь, как невесту, потерять. Все объяснить рядами чисел, Разъять Вселенную, понять Ее бесчеловечный смысл.

И на цитаты разобрать Весь мир, его триумф и муку... И вечность пригвоздить, как муху, К бумаге кончиком пера!

Кирилл АЛЕЙНИКОВ

ноты. Сначала «любили», потом — «разлюбили» — драма, трагедия... Сначала «не любили», потом — «полюбили» — драма, трагедия... Сначала виноградные ягодки кладут в рот друг другу, облизывают друг друга — «любовь»... Потом подгоревшая каша — жри! А ты — а я... А он — а она... И ладно, если все закончится простым мордобоем. А то — вон в сейфе лежат три дела. Тоже — «любовь». Впрочем, как, видно, и здесь... Не зря же она Земфиру указала, ревнует, кляча старая. Ладно, разберемся... И этот мужик... Принимал удары жены, как нашкодивший мальчишка от рассерженной матери. Эх, мужик...

кабинете! И все эти спектакли играли одни и те же актеры, и текст был однообразным до тош-

А тот, словно не замечая ее, вытирая ладонями лицо, стоял возле окна. Потом высморкался в низ грязной трикотажной рубахи, вздохнул горестно и повернулся к ней:

- Ну, арестовывай, чего сидеть? сказал мужик в привычной для него, видимо, манере общения.
- Ты не командуй тут, в тон ему тихо ответила следователь, разглядывая мужика.
- Чего смотришь? Не видала, как вы, бабье, воюете с нашим братом? спросил, не глядя на нее.
- Ты почему не работаешь? медленно заговорила следователь. Почему семье не помогаешь?
 - А где она, работа? Помойки чистить?
 - Что, зазорно? Ты никак профессор?
 - Ага, сщас, разбежался...

Мужик, не спрашивая разрешения, подошел к тумбочке, на которой стоял графин, налил в стакан воды и залпом выпил. Затем налил еще и снова опрокинул в глотку, вытер губы ладонью.

- Так почему не работаешь? Встал бы на учет в центр занятости.
- А там что? Там только одна работа: бери больше, кидай дальше... Они должны дать работу по специальности, какую я хочу, и все. Не буду бегать у них на цырлах.
 - На чем? спросила следователь.
- Ну, на цыпочках, он сел к столу, они должны, и все.
 «Они» это кто? задумчиво переспро-
- сила следователь.

— Ну, все эти...

— А специальность у тебя какая? — Бригадиром работал, люди были в подчинении.

— Ну, бригадир — это не профессия. Кем работал?

— Токарь, а что? — с вызовом в голосе спро-

сил мужик. — И еще деньги не платят...

— Переучись.

 Сщас, разбежался! Пусть дадут по специальности — и баста! Я, может, так... это... про-

тестую, восстаю, значит!

— Это значит только одно: лодырь ты, дар-

моед и пьяница. И кормить тебя должна семья, восставший пролетарий!

— Нечего меня кормить! Я сам ем!

 — А жену свою все-таки боишься, — так же задумчиво сказала следователь.

Так она же дерется! — возмутился му-

жик. — Видела, как бьет? Как самурай! Ведь

насмерть забивает! — И гонит на работу, и жрать не дает, и велит

делать то и это, а тебе не хочется, потому что ни хрена-то ты делать толком не умеешь, — продолжала гнуть свое следователь. — На дачах летом

живешь — тебе там что, хорошо? Вольно? Город не любишь, да? — A че его любить, — буркнул мужик. — Ha

дачах — как в деревне летом. Если б не эта... Следователь, прищурившись, смотрела на мужика, курила. А он, словно забыв недавние

обидные слезы, сидел, развалясь, на стуле и как-то даже нагло, с усмешкой смотрел на нее.

— Семью не любишь? — спросила следова-

— А че они мне? Они — сами по себе, я —

сам по себе. — А бабу свою боишься, — снова заметила

следователь. — Так она же дерется! — опять возмутился

мужик. — Ну, врезал бы ей пару раз, чтобы место

свое знала. Ага, ей врежешь...

— Тогда бы ушел к другой тетке. Вон их

сколько, незамужних. — Так разве она жить даст! Она и пацанов на меня натравила!

 Смотри, как получается: к другой тетке уйти не можешь — жена жизни не даст, с сынодаже кормушку. — Я же говорю — стерва!

— А при ней ты помалкивал, только сопли

вьями отношения не сложились — жена их на-

травила на тебя, работать пытается заставить... Я так думаю, что ты сам ничего не хочешь менять,

вытирал. Как ушла из кабинета — «стерва». Ну

ты и жук! А она тебя защищает. Я не удивлюсь, если она притащит тебе пожрать, хотя сама будет не жравши.

Защитница нашлась, — усмехнулся мужик.

— Еще какая! Она любого в порошок из-за

тебя сотрет! Мужик, скривив рот, снова усмехнулся:

— Она и тебя по стенке размажет! — Ну, в этом отношении оставь надежду на-

всегда. Ни у тебя не выйдет, ни у нее. Поэтому предлагаю поставить черту в изучении твоей лич-

ности и вернуться к картошке. Смотри, что получается... Вот схема сада. Крестиками отмечены

участки, где ты брал картошку. Вот тут — домик

Акимова. А это — дорожка, по которой ты шастал к своей Земфире...

— Никого не касается…

— А она гонит самогон, в том числе и из кар-

тошки, который ты у нее покупаешь. А поскольку

денег у тебя давно нет, то расчет с Земфирой был

такой: ты ей картошку, она тебе — рюмашечку. Никого не касается.

— Рюмашечка — оно, конечно, хорошо, однако жрать хочется. Поэтому наверняка еще и

огурчики-помидорчики, петрушечку-укропчик, все в небольших количествах, но регулярно, ты таскаешь с дачных участков. И все — к Земфи-

ре... А посему, Семенов, — продолжала следователь, — посадить тебя, голуба, самое время. Если

народ узнает, кто у них таскал зелень и огурцыпомидоры, — ох, Семенов, покалечить могут! Изуродуют и не дознаешься, кто это сделал, кто

руки-ноги оторвал. Поэтому давай вернемся к картошке.

— Не брал!

— Еще как брал! Брал, когда шел к Земфире, копал, когда тащился от нее к Акимову.

— A это видела? — Семенов выбросил вперед

длинную руку и повертел перед носом следовате-

ля грязным кукишем. — Видела? Хрен докажешь!

Никто не видел, а я тебе — что? Дурак? Сщас, давай, доказывай!

Он снова развалился на стуле, распространяя тошнотворный запах. Следователь посмотрела на него, усмехнулась: — Итак, таскаешь ты с участков картошку,

но понемногу: времени у тебя мало. Народ на дачах допоздна, ночи темные, очевидно, ночью

ты видишь плохо, поэтому стараешься, старатель, в поздних сумерках и исключительно с вечера воскресенья до утра пятницы. С вечера пятницы и до позднего воскресенья — ни-ни.

Видишь на схеме участки с крестиками? Аккурат вдоль дороги от Акимова к выходу из сада. Так что конспиратор ты никакой, и то, что брал

понемногу, ни о чем не говорит. Через деньдругой начал бы копать всерьез и стаскивать

к Земфире. — Вранье все, — хмуро сказал мужик. — Никто не видел, не докажешь.

Однако подобрался, сел прямо, внимательно глядел в схему, мучительно ворочал пропитыми мозгами.

— Слушай, давай закончим ваньку валять. Если не ты, то кто?

Мужик откинулся на спинку стула, вниматель-

но и настороженно глядя на следователя, сказал: Я думаю, сам председатель сада. Ага. Так, значит. Давай думать. Председа-

тель живет в домике на территории сада. Так? снова начала рассуждать следователь.

Так, — послушно ответил мужик.

 На территории сада постоянно проживают еще четыре дачника плюс ты. Так? Те, которые живут на своих участках, не заметили краж картошки, видишь, где их дачки? А вот дачки, с которых ты картошку воровал, — как раз по дороге к Земфире, потому что ходить тебе вообще

больше не к кому. Так? Да что ты все затакала? — раздражаясь, спросил мужик. — Так, не так?

 Ты не психуй, мы ведь с тобой думаем. А когда умные люди думают, они что-нибудь придумают. Так?

Ну... — глаза у мужика немного расслабились.

— А когда ты побываешь у Земфиры, которая много водки не нальет без денег, ты идешь к Акимову и снова чуть-чуть, с полведра, картошки выкопаешь. Жрать-то хочется? Денег давно нет, друзья-приятели появляются, когда у тебя какаято копейка заводится, — чтобы вместе пропить, а так — не дозовешься твоих друзей. Мужик встал, подошел к тумбочке, снова налил воды, выпил.

поставил стакан на тумбочку, снова сел к столу.

спиваешься, а ведь раньше бригадиром работал, люди были в подчинении. Так? — Мужик

отвернулся от нее. А следователь продолжала

говорить тихо, чуть монотонно, как бы вслух

читая: — Работал ты ни шатко ни валко, а тут

все эти смуты — коммунисты, демократы...

— А что, разве неправда? — продолжала тихо и монотонно следователь. — Денег нет,

— А твоя баба поедом ест — не пей, иди работать, помоги на даче, деньги давай... Сука, — процедил сквозь зубы мужик,

Кузменки держал? — А что же ее с собою носить? — буркнул мужик. Ну, я же говорила, что это твоя лопата. А то Акимов, представляешь, орать начал: лопату, лопату украл, — так же монотонно сказала следователь. — Пусть подавится, сволочь, это моя лопата, я ее со своей дачи принес, когда ему картошку сажал.

Ни черта не разберешь. С работы турнули, не смог или не захотел устроиться на другую... Хреновые твои дела... Лопату-то в малине у

 Ну, я так и сказала ему, что эксплуатирует он тебя: весной посади, осенью выкопай — раз-

ве нет? Мужик снова встал, подошел к тумбочке, снова налил стакан воды, выпил. Постоял, повертел стакан в руке и, не глядя на следователя,

спросил: — Так что, жалуется еще на меня, гнида?

— Ты об Акимове? — уточнила следователь. — Нет, не жалуется. Что ему жаловаться! Он-то как раз хорошо устроился. Это другие дач-

ники говорят, что ты ему и сажаешь, и сторожишь. Эх, Семенов, я так думаю, что он тебе ни шиша не заплатит. Ну и зачем ты батрачишь на него? Кража-то у тебя — хреновая, яйца выеденного

не стоит, скажем прямо. Согласен? Мужик постоял, поставил стакан на тумбочку,

отошел к окну. — Опустился совсем... — снова тихо, монотонно заговорила следователь. — А ведь уважаподумать! Уважаемый человек — и здрасьте! Ворюга. Спился...

емым человеком был — бригадиром! Страшно

— Захочу — брошу, — тихо сказал мужик. — Так ведь еще захотеть надо, голуба! А ты

себя в зеркало давно видел? Небось, знакомые с завода и не узнают тебя... — следователь ответила тихо, задумчиво. — И еще эта твоя старая знакомая — Земфира...

— Никого не касается.

 Ошибаешься. Очень может коснуться, особенно если учесть, что Земфира на днях драпала

через огороды от твоего старшего сына, который пришел ей фэйс почистить за совращение папеньки. Понял?

Врут все. Она одна меня понимает...

В дверь кабинета тихо постучали. Заходите, — громко сказала следователь. В щель приоткрытой двери просунулась го-

лова «пока жены». Я тут поесть ему принесла. И курево. Она просунула в щель большой целлофановый

пакет и потрясла им. Отдайте пакет и уходите, — сказала следователь.

«Пока жена» осторожно вошла в кабинет, подошла к мужу и ткнула ему в руки пакет.

— Его уже можно забирать? — Губы тетки дрожали.

— Нет. Мы только приступаем к выяснению обстоятельств. Вы идите домой или на работу.

Вам надо на работу?

Тетка утомленно села на стул.

— Я отпросилась. Отпустите его, товарищ следачка, прошу вас. Зачем он вам?

— Мне? — удивилась следователь. — Мне он

не нужен. Это вам он нужен. Вопрос в другом: зачем вам нужно это чудо?

Детей родили, чего уж теперь, — устало

— Дети-то работают?

Старший работает телоохранником, а

ответила тетка.

младший весной с армии пришел, пока еще не работает, отдыхает. Надо же ему отдохнуть? — Так ведь уже осень, сколько можно отды-

хать, и, собственно, от чего, от каких трудов? спросила следователь. — А вы сами-то на двух

или на трех работах работаете? — На трех.

— И это с вашей гипертонией? — удивилась следователь.

— А что делать? Семью надо кормить. Мужики у меня, вот и тяну, пока, видно, не сдохну, тетка слезливо сморщилась.

— А дача? Дача-то есть? — спросила следователь, участливо глядя на тетку. — А как же! Все, как у людей: и дача есть, и

квартира.

— И работаете на даче, судя по всему, вы сами. — А куда деваться! Семью-то кормить надо!

не... Я ему говорю: куда уносишь? А он — моя

— Ну да, ну да... — задумчиво сказала следователь, — семью, конечно, кормить надо, да еще

проследить, чтобы не забаловались дети... — И не говорите! — тетка махнула рукой. —

Лбы вон какие вымахали, мать им — не в указ... А на даче наломаешься с ведрами, а вече-

ром — на электричку с корзинами, и все на себе,

все на себе, что туда, что обратно... Тетка опять слезливо поморщилась, открыла свою сумку, достала носовой платок и знакомым

уже движением ткнула в лицо. ...да еще до двух-трех часов ночи с банками — все сама, никто спасибо не скажет.

Сыновья-то, наверное, все в отца, помощи никакой. И этот еще, — следователь кивнула головой

на мужика. — И не говорите! — Тетка активно готовилась к рыданиям.

Еще этого непутевого домой привести

надо... Вы за ним ходили к Акимову? — Несколько раз ходила. Он же, гад, лопату с дачи унес, уволок прямо. С криком, еще по вес-

лопата, когда захочу, тогда и верну. А тут мне говорят — у Акимова он. Я — туда, сразу после работы и пошла. — Это когда было-то? — тихо спросила сле-

дователь, направляя воспоминания тетки.

 Когда было? Первый раз по весне ходила — 24, 26, 30 мая, а летом — в июне раза два,

в июле несколько раз, а в августе — 14, 18, 25,

Следователь не удивилась ее памяти — как

30 числа.

правило, такие женщины хорошо помнят цены

в магазинах, точно помнят суммы денег, начис-

количество денег в кошельке. Она сейчас не перебивала впадающую в воспоминания тетку.

ленных по заработной плате, до копейки помнят

воспоминаний, скажет что-то важное. А ту несло: — Вот, 26 августа прихожу за ним, а он на

зит, лопату в малину и сам, как заяц, — туда же. И из малины на меня матом ругался. Я плюнула и пошла. А 30 августа — снова за ним. Смотрю —

Она чувствовала: тетка сейчас, на волне этих

всхлипнула.

сила следователь.

мне самой-то гробиться! — Воровал он картошку. И к Земфире та-

следователь. Воровал, паразит, — тоскливо согласилась

распускаешь, а сама...

трела на следователя.

тетка, как будто оправдываясь перед мужем за болтливость.

встала со стула.

ватель. Она хлопнула ладонью по столу:

420-м участке копает картошку. Я позвала его, говорю, отдай лопату, во-первых, а во-вторых, когда домой придешь? Стыдить начала: сколько,

говорю, можно бегать по Земфирам? А он, пара-

опять копает и картошку в мешок сыпет. Я кричу ему — домой давай, а он... опять матом. — Тетка — А в каком часу вы ходили за ним? — спро-

 После работы сразу поехала, к дачам приехала уже в девятом часу — копает! Своего участка нет? Да у меня двенадцать соток! Сколько

скал — сами знаете, чего уж там, — вздохнула

тетка. — Его еще один дачник бил. — Продаешь? — с угрозой в голосе спросил

Семенов жену. — Ну и шкура же ты! Еще руки

Тетка кинула руки ко рту, испуганно посмо-— Ну, что же вы замолчали? И что потом

было — домой пошел или к Земфире подался? — участливо спросила следователь, словно

не замечая мужика. Однако тетка уже вернулась на землю, моргала, сопела, смотрела вопросительно на мужа, на следователя.

— Что я такого сказала? Все знают, все равно все знают. Говорила же: иди домой! Нет, все по Земфирам бегал бы, — торопливо заговорила

 Ты... об ней... ты ей в подметки не годишься, — сцепив зубы, зло выдавил мужик.

— Я-а-а-а? — Тетка округлила глаза, изумленно посмотрела на следователя и решительно

«Все. Сейчас начнется», — подумала следо-

Странно действует на русского мужика это «или боишься». Как бы он ни боялся, все равно моментально попадается на «или боишься». И

сразу демонстрирует — не боюсь...

— Семенов! Подай пакет. Подай пакет, сказа-

Заклинание сработало: как ни зол был Се-

менов, как ни хотелось ему послать этих баб, он

демонстративно, как полагается, подошел к столу

следователя и с пренебрежительной усмешкой поставил пакет на стол. — Ну и что вы ему принесли? — обратилась следователь к тетке.

моя, булочки, конфеты, даже туалетная бумага.

— Ну, там... — Ага, смотри, Семенов! Курево — десять па-

ла. Или боишься?

чек, две пары трусов, заметь, новые, две майки опять же новые, ярлычки болтаются, видишь? Носки две пары, опять новое... что делается! Так, пакет... с чем? Ага, бутерброды, колбаса полукопченая, сыр, масло в баночке... заботливая ты

Семенов! Да за такой женой...

 Никого не касается, — мрачно сказал мужик, запихивая вещи в пакет. — Конечно не касается! А шмуточки-то собрал, жене не отдашь, а?

— А она — жена — и должна мужу, — упрямо сказал Семенов. Следователь стукнула кулаком по столу, бы-

стро собрала со стола все бумаги, закрыла их в сейф и пошла к двери: — Что стоишь? Иди сюда, Семенов!

Тетка тут же подалась к следователю: — И я? Сидеть! — приказала ей следователь. —

Семенов, со шмутками — на выход! Привыкай, засранец, к дисциплине. Семенов, склонив голову, решительно про-

шел мимо жены. Тетка провожающим взглядом смотрела вслед уходящему мужу, и было в этом взгляде столько страха и тоски, что следователь выругалась про себя.

Семенов вышел, заложил руки с пакетом за

спину и пошел по коридору. — Стоять! — скомандовала следователь, когда

они подошли к дверям другого кабинета.

Семенов сразу же остановился. Следователь открыла дверь в кабинет участковых инспекторов и кивком головы приказала ему заходить. В кабинете сидел другой участковый инспектор и что-то писал. Не поднимая головы от бумаг, спросил:

— Надолго? Я скоро ухожу...

— Пусть этот засранец посидит тут, я зайду за ним, — не отвечая на вопрос, сказала следователь.

Продолжая писать, участковый быстро спросил:

— Откуда попала к нам роза ветров? — И тут же сам себе ответил: — Не из лесу, вестимо, иначе пах бы елочкой. И морозной свежестью.

Следователь улыбнулась и закрыла дверь.

Она медленно пошла вдоль длинного коридора. Идти в кабинет не хотелось. Она не хотела видеть тетку, не хотела заниматься этим делом, которое явно не имело «судебной перспективы».

Даже показания Семеновой и кучи других таких же свидетелей... они все могут отказаться от своих показаний из жалости. Фраза Семеновой: «нас из-за чепухи сажают, а те, директора́...» — это не просто фраза. Это — целая философия. Это — от-

«простым работягам». Следователь знала, что скажут председатель, другие свидетели и потерпевшие: «пусть подавятся», «баба-то убивается», «дурака жалко»,

ношение к факту вечной несправедливости к ним,

«сколько там, ладно, голодовал ведь», «со зла написал», «попросил — сами бы дали»...
Следователь знала, что они пожалеют, про-

следователь знала, что они пожалеют, простят. Потому что очень часто, по мелочам, воровали сами... Потому что «нужно или можно поделиться», а еще, может, «не выдадим своих»...

Потому, что целые поколения вырастали вне закона, вне культуры, вне религии, с внутренней, неистребимой потребностью в рабской покорности сильным и богатым, с такой же жгучей потребностью в истреблении их. Эта теткасамоубийца... Мазохистка чертова. Живет по принципу: чем ей хуже, тем ей лучше. Рвет себя

ради кого-то...

Следователь вспомнила свою поездку в деревню к дальней родственнице на свадьбу. Немного скучное начало, слова всякие, и — ожидание не праздника, а приглашения к столу, к пьянке. Скучная чинность-благородность быстро переросла в пьяную драку. И бабы растаскивали, и кричали, а потом тащили на себе, уговаривая и посмеиваясь, своих «мужей»... А рядом стояли

сопливые девчонки, которые все это видели. И это было нормально... И для Семеновой ее жизнь —

ПОДРАНОК

Подбитой на взлете птицей сердце мое забилось. Предков темные лица в озере отразились.

Га-ак! — кашлянула утка, и стало мне жутко. Озеро, сморщив кожу, покрылось холодной дрожью.

Чо-опок, — сапоги в болоте. Бьется подранок в тине. Холодно. Неохота бегать по болотине.

Но темные от печали предки мне закричали: «Деды твои без цели птицу не убивали!»

Снял сапоги, фуфайку, ружье на сучок повесил. Плыл и от страха горланил для птицы песню:

«Холод обжег мне тело, но выстрели я метко, Ты бы не посмела побеспокоить предков!»

Га-ак! — кашлянула утка, клювом ударив в руку, и сердце мое открылось навстречу этому звуку.

Георгий БЕЛЬДЫ

Ладно, надо работать. Она подошла к своему кабинету, открыла дверь, и в нос ударило такое зловоние, что просто не могла больше терпеть. Схватив телефонную трубку, набрала номер зав-

нормальная, хотя гнут ее, гнут изо всех сил. А

— Ну? — спросила трубка. — Иди сейчас же сюда, — заорала следова-

сломается — найдут такую же.

тель, — слышишь, ты. Сколько можно терпеть,

хоза:

сколько можно говорить! Немедленно сними решетку, убью! Честное слово, убью!

— Зачем так нервничать? Сейчас снимут! — И раздался зуммер. Следователь посмотрела на трубку, на Семенову:

— Вот что! А ну-ка давай сами, а? Получится — хорошо, не получится — хоть согреемся... Она торопливо открыла сейф, в нижней части

которого лежал неизвестно когда и кем положенный «вещдок» — гвоздодер. Понимаешь, сил нет. Все лето — духота.

Прошу — сними решетку, сделай по уму... нет,

руки у них у всех в заднице. Господи, да на хрена

тебе этот вонючий дурак? — торопливо говорила следователь, копаясь в сейфе. Это он сейчас такой, а по молодости,

знаешь, как за ним девки ухлестывали, — тоже торопливо, с готовностью ответила Семенова.

Эх, бабы, бабы! Барабанная дробь гормонов

молодости заставляет искать и выбирать в мужья «красивых», а повседневность выставляет другие критерии... Следователь вытащила гвоздодер и

 Ага! Ну, давай гвозди выдерем к чертовой матери.

потрясла им в воздухе:

 Не надо ничего дергать, тут без гвоздей, на сопле пристроили, — Семенова цепко оглядела решетку. — Ты повыше встань, на стул, я — снизу,

и — враз, а то стекла побьем. Бабы встали по местам.

Раз, два, три! — скомандовала Семенова.

Дернули. Решетка пошла. — Раз, два, три! — снова

скомандовала Семенова. И снова дернули, и еще раз, и опять дернули... Семенова командовала: — Теперь легче, еще легче. А теперь — держи, я руки перехвачу. Все, легко ставим... отпускай, я держу, ну все...

Следователь открыла окно настежь, и в кабинет сразу же залетела пчела, загудела недовольно и вылетела. Женщины переглянулись.

ветила та. Следователь взяла коробочку с мылом, полотенце, и обе женщины направились в туалет. — Ну и что дальше будешь делать? — идя

— Что если мы умоемся, а? — спросила сле-

— И хорошо бы холодненькой, — в тон от-

по коридору, спросила следователь Семенову. Та промолчала. — Ведь не первый же раз. Ведь доиграется в трататушки: или покалечат, или сядет. Передачу будешь носить? Отпусти его, — глухо сказала Семенова.

— Хм, отпусти... А заявления? Семенова молчала. Женщины умылись. По-

стояли, посмотрели друг на друга. — Не любит он меня, — вдруг сказала Семенова.

— А ты его?

дователь у Семеновой.

— Уже не знаю, — пожала плечами. — Жалко.

— Да, да... вот в этом ты вся. Жалко. А он тебя

жалеет? Ладно, пошли, протокол подпишешь. Молча вернулись в кабинет. Семенова сидела и смотрела, как следователь пишет протокол.

Потом взяла его, долго смотрела на строчки,

и лишь на конце последней «а» нарисовала какую-то закорючку, чтобы показать, что это

явно не вникая в смысл, со вздохом подняла ручку... Следователь знала, что она школьным почерком напишет свою фамилию, и та не обманула ее: тщательно вывела каждую букву

все-таки подпись.

— А дальше что? — спросила Семенова. —

Может, отпустишь? Следователь внимательно смотрела на жен-

щину. Что ей сказать? Объяснять, воспитывать? Вздохнула:

— А что я сынам скажу? — Губы Семеновой

задрожали.

— Слушай, ответь мне: он сынам нужен? Нет,

скажи честно — нужен? Они что, ходят куда-то

вместе? Читают, разговаривают, работают, ну,

хоть по дому что делают? Молчишь... А я тебе

— Иди-ка ты домой, ладно? — сказала миро-

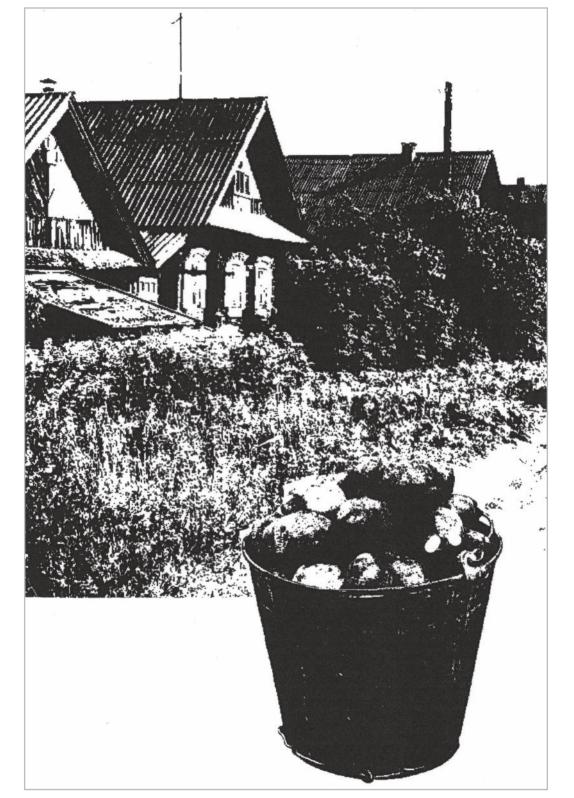
любиво.

самые деньги у тебя и требует. После армии — ты его одела-обула? Молчи! Ты! Поэтому и пропада-

ешь на трех работах. Скажешь, нет?

скажу: старшему — все до лампочки, он сам по

себе. Деньги вряд ли дает. Младший — только эти

Семенова торопливо полезла в свою сумку, вытащила тот же мятый носовой платок...

— И этот, то пьяный, то...

— A что, что делать?

— Одна ты осталась. Вот в чем дело. Старость — вот она, на самом кончике носа. Не будет

этого чучела, значит, не будет той, прежней жизни, где тебе худо-бедно, но было хорошо, как ты

это «хорошо» понимала, — задумчиво заговорила

следователь. — Одна, мать моя, это страшно... Вот поэтому и не выпускаешь гнилые вожжи, они уже

не держат твою тройку, а ты все цепляешься за гнилье. Брось все, пусть каждый идет своей до-

рогой. Не мучай себя из-за этого мужика, он сам выбрал свой путь... Ничего не изменишь. Он или сядет, или его прибьют за всякие неблаговидные

дела, или от водки-самопалки сгорит. — Не понимаю я тебя. Какие вожжи? Я семью

сохранить хочу!

нет?

— Да нет у тебя семьи! Все, семья кончилась! Ну хорошо, скажи мне: вот сейчас вернешься

папанька? А фиг! Спросят — где жратва! Скажешь — нет? — Семенова уткнулась лицом в платок. — А когда давление подскакивает и тебе надо лежать, они что — рядом? Кто? Да скорее всего какая-нибудь соседка. Опять скажешь —

домой — что сначала спросят твои парни? Где

Семенова не отрывала лица от платка.

— И с мужем себя ведешь как мать: бьешь его, психуешь. Выгораживаешь, лукавить со мной пытаешься... А Земфиру ты хорошо знаешь, на заводе вместе работали и даже дружили, если это можно назвать дружбой, пока муж Земфиры не загнулся от ее самопалки. Так?

Семенова покачала головой: так.

— Ну вот, так что успокойся. Земфиру я вызвала, она скоро подойдет, и мы подумаем, а?

— Не хочу я ее видеть. Она с ним спала!

— Ну, так уж и спала. Знаешь, между нами: рожденный пить... это, летать, скажем так, не может. Так что не рви себе душу. Нашла кого ревновать!

Что теперь делать со всем этим? В отпуск

уйти, что ли? В дверь кабинета сильно стукнули, и она тут же распахнулась. На пороге стояла высокая, еще стройная женщина с нелепо раскрашенным лицом.

Мне участковый велел явиться.

— Земфира? — спросила следователь.

— Не просто Земфира, а Маратовна. И фами-

— Ну что ж, Земфира Маратовна, прошу, проходите, садитесь, — сказала следователь. Вздохнула, посмотрела на Семенову.

— Значит так, милые дамы. Определимся, начала она.

— Нечего тут определяться, — решительно заявила Земфира. — Игнатов пошел к начальнику, заявление забирает. Назад забирает.

«Ну а я что говорила?» — подумала следователь, а вслух сказала:

— Это ж почему?

лия моя — Абдулаева.

 — А потому, что из-за мелочи нечего ерунду разводить. И вообще — мы с Игнатовым уже все решили. Никто ни у кого картошку не воровал, и — все.

Семенова смотрела на Земфиру, на следователя умильно, удивленно, благодарно. Наступила напряженная тишина. Следователь закурила, вздохнула... Откинувшись на спинку стула, посмотрела на таких разных и таких одинаковых женщин. Сощурившись от сигаретного дыма, тихо сказала:

— Ну что ж, хрен с вами, бабы, хрен с вами. Вы сами решили свою судьбу. Дело я прекращу при одном условии: картошку вернуть всем, у кого Семенов воровал.

— Уже вернули, — с вызовом в голосе заявила Земфира.

— Уже? А у кого, интересно, взяли?

— У Семенова на даче, — Земфира усмехнулась. — Так что объяснения попрошу вернуть сейчас же.

Только сейчас до Семеновой дошло, что ее труд, ее пот и старания — все пропало.

— Што? — она приподняла толстый зад со стула и тут же снова опустилась. — Ах, паразиты! Пусть бы он сам зарабатывал и отдавал! Тебе кто

разрешил, а? Я? Ах, гады!

Следователь стукнула кулаком по столу:

— Ну, ты, замолчи! Просила отпустить? Отпускаю! Катись со своим мужем! Делай, что хочешь, поняла? Считай, что вы оба, оба сажали, копали, возили, носили, ели, спали, трали-ва-

ли... — зло сказала следователь. — И учти, от

тебя заявление о краже картошки я не приму.

на глаза мне не попадайся. Абдулаева, посидите, я сейчас отпущу Семеновых, и мы поговорим. Семенова, пошли!

Поняла? Иди отсюда со своим Семеновым! И

Они вышли в коридор, следователь быстро прошла к кабинету участковых инспекторов, открыла дверь. Семенов спал на полу, свернувшись калачиком, положив под голову целлофановый

пакет с барахлом. На стуле лежал сверток с едой... — Ну, забирай, — кивнула головой следова-

тель.
Она смотрела, как Семенова тяжело опустилась на колени, склонилась над мужем, тихонько

звала по имени, осторожно трясла за плечи, гладила по голове.

— Разбудишь — сразу уходите, чтобы я вас

— Разоудишь — сразу уходите, чтооы я вас сегодня больше не видела. Вымоешь его, а завтра, слышишь, чтобы завтра утром он был у меня, бумаги подписать. — И добавила тихо: — И хрен с вами, господа Семеновы!

С постановлением о прекращении уголовного дела прокурор согласился... Отпуск следователю не дали... Решетку на окно опять поставили не по уму... Страсти-мордасти беспросветной жизни продолжались, и конца этой беспросвети — не видать...

№ 2, 2003 г.

